

и свою работу, это будет неправда. Ну неправда это, если шестнадцатилетняя девочка, воспитанница православной гимназии, стоит перед зеркалом и медитирует на тему, какая она уродина безобразная. Это неправда, она прекрасна в свои 16 лет. Аналогично и у работающего человека.

Другое дело, что когда ты поставил себе «пятерку» за профессиональную деятельность, то, чтобы избежать гордыни, можно вспомнить другие аспекты своей жизни, в которых ты не столь удачен. Может быть, я хороший преподаватель — но плохой друг. Хороший писатель — и плохой отец. Вот так и вспоминать, чтобы нос не слишком задирался. Как говорится, вверх торчат ветки только у деревьев, на которых нет плода.

Исповедь сверстнику

Мы тоже боялись. Мы тоже когда-то возмущались тем, что казалось нам «диким», «невежественным» и «отсталым» в жизни Православной Церкви. Мы (по крайней мере, большинство из нас, рожденных в атеистических семьях в атеистическую пору) со стороны смотрели на православные храмы, считая, что мы-то их переросли и что мы знаем больше «бабушек». Мы боялись, что православие с его «догматами и канонами» отберет у нас нашу свободу. Мы боялись, что попадем в казарму, что нас выдернут из современного мира и загонят в «темное Средневековье». Мы просто боялись, что стоит только православную проповедь впустить в свою душу, как она выгонит оттуда всякую радость жизни.

Теперь мы тоже боимся. Но страшит нас уже иное. Нас страшит, что вдруг снова нас настигнет наша бывшая духота. Вдруг какой-то вывих произойдет в душе и в жизни — и мы снова станем рабами.

Да, раб — это не только тот, на ком висят железные кандалы. Самые прочные путы — те, которых не замечаешь. Самая страшная несвобода — это несвобода внутренняя. Контактные линзы сложнее всего найти в своем собственном глазу. Так вот, пока мы были в мире неверия, мы даже не знали, что, по сути, от колыбели нам уже имплантировали в глаза (точнее — в ум и сердце) «контактные линзы», которые вносили существенные искажения в восприятие красок мира. Эти линзы показывали пустоту там, где, как оказалось, было нечто значащее. Они, бывало, уменьшали действительно важное, но благодаря им же что-то мелкое разбухало в размерах и заслоняло небо.

Идеология и реклама (которая вместо нас придумывает, что нам должно нравиться, кем мы должны быть и чем измерять свой жиз-

ненный успех) осторожно выкрадывали нашу свободу (точнее — даже не позволяли ей родиться). За нас решали, что «молодое поколение» должно выбрать именно «пепси-колу». И вдруг мы открыли, что настоящий выбор — это не выбор между пепси и квасом, между той или другой маркой телевизора. Это выбор между Смыслом и бессмыслицей.

Если моя жизнь — это лишь накопление вещей, если моя мысль погружена в торговые каталоги и телевизионные сплетни, то и я сам в мире такая же однодневка, как журнал «Товары и цены». И мир даже не заметит исчезновения еще одного «потребителя», «покупателя» и «телезрителя». Тогда это бессмыслица. Тогда уместно задать себе самому последний вопрос: почему ты не умер вчера? Почему ты еще живешь? Какой у тебя повод к жизни?

Смысл жизни человека придает лишь то, что выше нее. Жить можно только ради того, за что не страшно умереть.

А нам твердят: «Я этого достойна». Чего — «этого»? Вдруг и в самом деле «это» и есть все то, чего ты «достойна»? Если то, в чем ты измеряешь свою жизнь, ее достоинство и неудачи, — всего лишь товар, то человек оказывается «достойн» быть просто марионеткой в руках рекламы. Чистенькой, пахнущей, ухоженной — но марионеткой.

Вот поэтому для нас вход в Церковь оказался шагом в другое измерение. Возможность посмотреть на самих себя иными, нерекламными глазами. Ведь очевидно, что глаза людей, изображенных на иконах Андрея Рублева, видят другое, чем глаза «дорогих телезрителей». А вы навсегда хотите остаться прежними? Вы не хотите попробовать взять дистанцию от стереотипов и сделать себя другими?

Это самое сложное, что может быть в жизни человека. Мудрецы прежних веков говорили, что неумный человек стремится изменить то, что вне его, умный же старается переменить то, что внутри него. «Свободен ли я от самого себя? В моей жизни были минуты и состояния, в которых во мне трудно было бы признать человека». Церковь дала нам возможность покаяния — то есть возможность расточить себя с теми минутами. Молодой человек, который вставляет

себе иглу в вену, — свободен ли он в эту минуту? Или он исполняет веление некоей тяги, которую не может преодолеть? Ради минуты «улета» он готов разрушить свою жизнь. Это свобода или рабство? Мы, сделав шаг в Церковь, просто сделали выбор: чему служить. Быть рабом минуты или Вечности. Служить тому, что выше нас, или тому, что ниже, скотинные нас. Искать радости тому, что в нас самих наиболее человечно и высоко (душа, совесть), или же искать кайфа тому, что в нас самих наименее человечно, потому что наиболее физиологично.

Что же касается жизни в Церкви — то жить в ней действительно трудно. Как трудно расти в спорте, в науке или в музыке — так же трудно расти душой. Но этот рост приносит радость перемен. Мы могли бы сказать — радость прикосновения к Богу, но боимся, что окажемся совсем уж непонятными. И все же поверьте: никто из нас не остался бы в Церкви с ее постами и долгими службами, если бы хотя бы изредка не находил в ней такую радость, по сравнению с которой радости «тусовки» оказываются просто безвкусными.

Да, Церковь потребовала от нас отказа, ограничения. Но, отобрав водку или наркоту, она предоставила нам возможность найти внутреннюю свободу, познать самих себя, Бога и... И еще Православная Церковь дала нам возможность перестать наконец быть иностранцами в своей собственной стране. То, что мы пережили, одной строкой выразил Константин Кинчев: «Я иду по своей земле к Небу, которым живу». Россия перестала быть для нас «этой страной». Она стала своей — «нашей страной». Мы поняли ее веру, ее боль, ее судьбу. Православие подарило нам Небо и вернула землю.

Понимаете, если вас тошнит от лицемерия американской политики «двойных стандартов», от их зазнайства, от пошлости голливудской масс-продукции, если в вас зреет протест против глобальной макдоналдизации, то самая звонкая оплеуха «Дяде Сэму» — это не сожжение звездно-полосатого флага, а осознание себя русским православным христианином. В августе 1991 года главный американский «специалист по России» Збигнев Бжезинский заявил, что после крушения коммунизма у «демократии» остался один враг —

Православная Церковь. Что ж, мы гордимся тем, что можем быть костью в горле у Бужинских.

Мы не хотим быть перекати-полем без корней, без имен (ты уже получил «только твой номер?»), без Родины, без веры. Мы не хотим стыдиться перед нашими мусульманскими сверстниками, у которых есть своя вера и гордость за нее и решимость за нее сражаться, а у нас только американская жвачка. Перестань быть полуфабрикатом, выработанным советской школой и антисоветской телерекламой. Сделай выбор: стань русским. Стань православным!

Если уж все равно религиозные интересы появились в твоей жизни (ибо наверняка ты — как и мы прежде — интересуешься гороскопами, астрологией, «непознанными феноменами», «целителями», магией, йогой и культом вуду), то прояви же самостоятельность. И вместо поклонения некоей the Power и безымянным «энергиям», которыми насыщены даже нынешние мультики, поинтересуйся же православием!

Мы тоже когда-то думали, что все религии одинаковы, что «Бог один, а потому все равно, каким путем к Нему идти». Но слишком многие из нас в итоге стали подранками духовной войны. Слишком многие упали в те самые пропасти, существование которых прежде яростно отрицали («эти православные фанатики всех осуждают и все запрещают, но мы не позволим надеть шоры на наши глаза и пойдем своим путем!»). И потому уже не только из опыта нашей радости, но и из опыта нашей боли, не только от нашего нынешнего знания, но и от имени нашей былой дури мы просим вас: не повторяйте наших ошибок!

Звать к себе мы не будем. Церковь — не плац, на который стройными рядами выводят колонны «юных борцов», «всегда готовых» невест к чему. «Расформированное поколение — мы в одиночку к истине бредем». Но мы можем свидетельствовать: православие — это пространство жизни. Здесь можно быть человеком. Здесь обретаешь повод к жизни. Здесь можно думать и можно любить.

Но, по правде сказать, нам было тяжело все время быть одиночками. Было тяжело терпеть недоумения и насмешки своих не-

верующих товарищей и окрики «верующих» старух. Нам было тяжело таить свою веру и свои находки лишь для себя. Нам стало тяжело быть христианами лишь в храме. И поэтому мы решили встретиться друг с другом. Мы решили показать, что Церковь — это не только старушки, это еще и мы. Мы решили быть не просто православными, а молодыми православными. Получится ли это у нас — не знаем. Но мы готовы пробовать и ошибаться, мы будем пробовать терпеть ошибки свои и своих друзей.

Мы не секта. Мы просто люди, которые знают, что и в самом деле «над небом голубым есть город золотой». Мы знаем, что эти стихи описывают не придуманную мечту, а Небесный Град, Небесный Иерусалим, о котором говорит библейский Апокалипсис (см.: Откр. 3:12; 21; 22) (его автор — апостол Иоанн, тот самый, кого на православных иконах и символизирует «золотой орел небесный, чей так светел взор незабываемый»). Вот в поход к этому Городу мы и собрались. Нам по пути?